

# БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

## ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

### ТОМ ДЕСЕТИ

---

## ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ БОЛГАР И ГАГАУЗОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ В БЕССАРАБИИ<sup>1</sup>

Зоя Барболова

В пределах любого государства, наряду с основным населением, формирующим его этнический и, одновременно с этим — лингвокультурный облик, находятся и ряд общностей, обладающих спецификой своих языка и культуры (особенно — в духовной сфере). В принципе, это этнические группы, т.н. «национальные меньшинства», для которых присуще такое языковое явление как массовый билингвизм или полилингвизм.

На синхронном уровне эти явления, вместе с проблемами интерференции, уже хорошо исследованы и представлены в социолингвистических работах. Но на этом фоне проблемы культурной коммуникации между отдельными меньшинствами и основной народной масса в рамках государства остались почти незаметными. И это естественно, имея ввиду, что эти проблемы являются объектами исследования, прежде всего, антропологии в целом, а также культурологии и этнологии, в частности. Однако при этом они находят яркое отражение в языке. Пересечение этих двух кодов формирует основу, на который выстраивается единая лингвокультурная система, исполняющая роль основного идентификатора данного народа или этнической общности. Более того, именно язык и культура являются основными компонентами, сущности оппозиции *свое ~ чужое* на межэтническом уровне. Т.е. оппозиция *свое ~ чужое* в межэтнических отношениях сама по себе представляет столкновение разных лингвокультурных систем.

Согласно такой постановке вопроса, проблема выходит из предмета социолингвистики, а так же — культурологии и этнологии, и включается в рамках одного из самых новых направлений в лингвистике, а именно — лингвокультурологии. Эта междисциплинарная наука пока делает свои первые шаги и на данном этапе ищет, прежде всего, существующую самобытность в национальных картинах мира народов, составляющие основу этнической части соответствующих государств. Одновременно, большой интерес пред-

ставляют лингвокультурные взаимодействия между группами меньшинств в пределах одного государства и их разно векторными процессами в сравнении с аналогичными в метрополиях.

Прекрасная возможность для подобного исследования предоставляют нам мультиэтнические районы нынешней Южной Украиной, где совместно проживают ряда этнических меньшинств. Ситуация здесь становится еще интереснее в силу того, что кроме связей с местными русскими, украинцами и молдаванами, некоторых из них находятся в непосредственном прямом контакте и между собой. В зависимости от этого, здесь прослеживается наличие различных вариантов массового и индивидуального билингвизма — украинско-русский, болгарско-русский, румынско-русский и т.д.; и, даже мультилингвизма — гагаузско-болгарско-русский, болгарско-украинско-русский, гагаузско-болгарско-румынско-русский и т.п.

Одной из многочисленной диаспор региона является болгарская, которая начала формироваться в конце XVIII — начале XIX веков. В то время уже несколько веков Болгария находилась под властью Османской империй. Вынуждены бежать из-за тяжелой политико-экономической ситуации, болгары массово заселяли Новороссийские степи, где возникли их десятки колоний.

Вместе с болгарями бежали и гагаузы. До получения автономии в рамках Республики Молдавии (почти 20 лет назад), они относились к болгарской диаспоре. Сами по себе гагаузы являются интересным феноменом — их этногенез (о котором существует множество гипотез) и вопросы их появления на болгарской территории, до настоящего момента не установлены. Как известно, это тюркоязычный народ, а в конфессиональном плане принадлежат к православным христианам. В Болгарии они относились к греческой церкви и использовали греческий алфавит, а говорили они на гагаузском и болгарском. Поэтому, когда пришли в Бессарабию, гагаузы уже являлись билингвами. Более того, в некоторых случаях их болгарский говор отличается от говора их односельчан болгар, что доказывает, что они усвоили его еще в Болгарии. В село Червоноармейское (Кубей), Болградского района (Украина), например, лишь теперь — спустя два века после основания поселения, языковая картина болгарских говоров начинает унифицироваться<sup>2</sup>. Эти факты предоставляют возможности утверждать, что лингвокультурная коммуникация между представителями обоих этносов была достаточно активной еще в метрополии. Различия в болгарских говорах в этом поселении ясно показывает и то, что предки нынешних гагаузов и болгар пришли сюда из разных районов Болгарии.

Одновременно ярких различий как в материальной, так и в духовной культуре между этими этническими группами не наблюдается<sup>3</sup>. Интеграция в культурно-бытовой сфере, скорее всего, произошла еще до выхода из Болгарии. Но термины сохранили свои языковые особенности и отличаются по своему происхождению, т.е. у каждого болгарского термина имеется еще

и гагаузский эквивалент, напр.: болг. *риза* — гаг. *гельмек* ‘рубашка’; болг. *царули* — гаг. *чорък*; болг. *синце* — гаг. *буджук*. Однако, прослеживаются и термины, одинаковые в болгарском и гагаузском, напр.: болг. и гаг. *димие* ‘зимние штаны из материала и *мишине* ‘штаны из кожи’; болг. *антерия* // *интерия* — гаг. *интерия* ‘вид верхняя одежда’ и т.д. Термины в болгарских диалектах обеих этнических групп обычно совпадают. Но иногда, наряду с болгарской лексемой функционирует и тюркское, которое не совпадает с гагаузским эквивалентом, напр.: вместе с *убици* ‘сережки’, болгары употребляют и тюркское слово *менгиши*, а гагаузы — *кюпя*; печь болгары называют тур. словом *соба*, а гагаузы — *фърън/а*/ и т.д. Аналогичная ситуация обнаруживается и в гагаузском, где вместе с тюр. *кушак* употребляются и слав. слово *опас*, а эквивалентное слово у болгар — *пояс*. Эта ситуация подтверждает, что гагаузы приехали сюда со своим болгарским диалектом, который использовали в коммуникации с болгарями, а гагаузский язык служил для внутриэтнической коммуникации. Эквивалентные и одинаковые термины, относящиеся к материальной культуре обозначают и одинаковые понятия. Это четко показывает, что быт гагаузов не отличался от быта болгар еще в Болгарии. Более того, вышепоказанные термины свидетельствуют, что гагаузы вполне адаптировались даже в комплексе одежды, которая в прошлом использовалась как основной внешний этнический знак. Однако обнаруживается много тюркских терминов, одинаковых для обоих языков, напр.: *буйундук* ‘впряг’, *нал* ‘подкова’, *търмак* ‘грабли’, *арман* ‘гумно’, *дам* ‘помещение для коров’, *маказ* ‘вид бревна’ и т.д. Тяжело сказать заимствованные ли они болгарским из гагаузского или оба языка заимствовали их из турецкого, под влиянием которого они находились несколько веков.

Интеграция проявляется и на уровне духовной культуры. Об этом свидетельствует то, что в праздновании христианских и народных календарных праздников, а так же в семейных ритуалах и обычаях не наблюдается принципиальной разницы. А их наименования в обеих болгарских говорах идентичны, напр: *Андрей*, *Варвара*, *Симион* и т.д. или *Свети Варвара*, *Свети Иван*, *Свети Илия* и пр. Часто в такой же форме данные названия употребляются и в гагаузском языке. Иногда даже предпочитают болгарские термины, как напр.: *Игнажд’ен* // *Игнажди*. Наряду с названиями христианских дат (?) показанного выше типа в гагаузском используется и дублиеты, как, напр.: *Ай Андрей* и болг. *Свети Андрей*, *Ет душиницасы* и болг. *Месна задушница* // *Месни заговезни*, где первая часть — *ай*, *ет*, является калькой болгарских слов *свети*, *месна*. Часто эти формулы (словообразовательные формации) обладают еще одним вариантом (дублетом), напр.: кроме *Ай Иван* и болг. *Свети Иван*, употребляется и термин *Иван гюню*, который вполне соответствует болгарскому словосочетанию *Иванов ден*. Второй компонент *гюн* выступает калькой болгарского существительного *ден*. Но конструкция гагаузских устойчивых словосочетаниях формируется по законам тюркских изафетов. Иногда, одно-

временно употребляются по несколько терминов, напр.: *Симион // Симионски празник // Семен-сулиджек* ‘1 февраля’, в которых наблюдается единая семантика и внутренняя структура. Абсолютными кальками из болгарского являются также названия некоторых дней как напр.: *Бююк першембе, Бююк жу-маа* = болг. *Велики четвъртък, Велики петък*.

В гагаузской лингвистической системе приняты и термины, означающие чисто болгарские народные праздники и обычаи: *Колада* ‘Рождество’, *Суврак* (болг. *Сурва // Сурваки*) ‘Новый год’, *Баба Марта* ‘Праздник 1 Марта’, *пипируда, Германчу, Калюени // Каливанчу* ‘обряды для вызывания дождя’, *Бабин // Бабин гюню // Бабу гюню* ‘День повитухи (08.01.ст.ст.)’ и т.д., которые связываются с периодам болгарского язычества. Экстралингвистические факты тоже подтверждают полное покрытие гагаузских обрядов и обычаев с болгарскими. Все это определенно говорит об адаптации гагаузской лингвокультурной системы к болгарской. В то же время, как лингвистический, так и этнографический материал показывает, что во времена господства Османской империи, не только болгары, но и гагаузы, чей язык очень близок к турецкому, не испытывали существенного влияния мусульманской культуры. Это при том, что гагаузы в Добрудже и Лудогории в течении многих веков соседствовали с живущим там до сих пор турецким населением.

Однако в Бессарабии, как болгары, так и гагаузы оказываются в полилингвокультурной среде, наряду с представителями других народов (украинцами, русскими, молдаванками и др.), с которыми оба этноса поддерживают тесные контакты на протяжении более двух столетий. При чем, кроме русских, остальные также являлись билингвами — между собой общаясь на русском. Постепенно, вместе со своими языками, они оказывали и свое культурное влияние на болгар и гагаузов. Этот процесс оказывался более результативным в силу общей принадлежности к православию, которое находилось в основе аксиологических систем их культур. Этот фактор существенно ослаблял оппозицию *свое ~ чужое* и способствовал открытость для чуждых культурных элементов.

Так как Бессарабия в то время находилась в пределах Российской империи, русский сложился как основной язык для речевой коммуникации и между переселенцами. Поэтому именно русская лингвокультурная система оказывает самое очевидное влияние на них. Такое состояние сохраняется и в годы румынской оккупации Бессарабии, вопреки стремлению со стороны румынских властей насильственной адаптации этих меньшинств к румынской лингвокультурной системе. Вероятно, важным предпосылкой в этом являлось и родство русского и украинского языков с болгарским. Более того, проходя через разные этапы усвоение русского языка, сегодня болгары уже являются билингвами, а гагаузы — полилингвами. Они беспрепятственно переходят от одного языкового кода к другому. Вследствие этого, огромное количество русских лексем прочно вошло в болгарский и гагаузский говоры. Они обозначают, прежде всего, новые понятия, связанные с политико-ад-

министративным устройством, экономическим условиям России, а так же — с научно-техническим развитием и его проявлениям в производстве и в быту<sup>4</sup>. Впечатляет так же и то, что параллельно употребляемые для обозначения одного понятия болгарское и заимствованное слово не являются дублетами, а выступают в качестве синонимов, т.е. обе лексемы обозначают разные, но близкие по своей сущности денотаты, относящиеся к одному понятийному кругу. Так например *престилка* означает ‘фартук из домотканое полотно’, а *фарта* ‘из ситца’; *главница* ‘подушка для семейных обрядов и обычаев, наполненная соломой’ и *падушка* ‘с перьями’, болг., гаг.: *чурапе* ‘шерстяные носки, вязанные вручную’ и укр. *карпетки* ‘фабричные’ и т.д.

Большинство из гагаузов и часть болгар находятся в Молдавской Бессарабии, поэтому владеют еще и румынским. Между прочем не мало болгар, особенно среди пожилых мужчин в Украинской Бессарабии, тоже говорят на румынском языке. Они его выучили преимущественно в армии и румынских школах во время румынской оккупации. Поэтому в болгарском и гагаузском говорах обноруживается и румынские лексемы разных понятийных кругов (*примар*, *примария*, *въркулица*, *папушой*, *папушойник*, *малай*, *мамалига*, *коптор*, *кептар*, *кадрела*, *клячка* и др.), но их значительно меньше, нежели русских.

Тяжело сказать в какой степени болгары и гагаузы усвоили украинский, так как исследований в этом направлении пока нет, но наличие целого ряда украинских слов в болгарских, а иногда — и в гагаузских говорах в Бессарабии (*сирники*, *малошник*, *магарич*, *чобатар*, *буряк*, *лампач*, *грибишок* и др.) говорят о наличии лингвокультурных контактов между ними.

Однако следов такого сильного влияния в традиционной духовной культуре не обнаруживается. Особо слабо оно фиксируется в сфере календарно-праздничной обрядности и обычаев. Согласно нашим данным, это лишь несколько терминов. И болгары, и гагаузы предпочитают русско-украинские названия *Паска* // *Пасха* (*Паскале* — гаг.) вместо болг. *Великден* и *Масленица* вместо болг. *Сирница*. Болгарский термин *козунак* заменен *паска* // *пасха* ‘пасхальный каравай’. Гораздо чаще общие христианские термины адаптируются к русско-украинской языковой системе, напр. *Святая Троица*, *Святая Бугуродица*, *Светой Николай*, и т.д. Здесь *Гьоргов ден* и *Димитров ден* уже не считаются такими значимыми праздниками, как в Болгарии. В силу этого, значительные русские влияния прослеживаются при отмечании *Суфиндян* // *Малък Великден*, гаг. *Кючюк Паскале* (здесь они связываются с поминанием усопших), *Св. Макавей* и др., которые в Болгарии специально не отмечаются.

Болгарский новогодний обычай *сурвакане* смешивается с украинско-русском обычаем *посевалки*. Это отражено в контаминации новогодней щедровке — пока одни парни исполняют обряд *сурвакане* и произносят архаичное болгарское благословение:

*Сурва, сурва година  
Червена абълка в градина  
Зелен клас на нива,  
Живу, здраву ду гудина!*

другие, разбрасывая пшено, произносили русское поздравление:

*Сеем, веем, посеваем,  
С Новым годом поздравляем!*

Определено у украинцев был заимствован новогодний обычай *Миланка* ‘карнавального шествия’. На Новый год также ходили ряженые с маской козы. Название этого обычая *капра* в ряде болгарских и гагаузских сел подсказывает, что, на самом деле, это может быть молдавский культурный элемент.

От русских и украинцев были восприняты и различные гадания<sup>5</sup>.

*Андреев ден* здесь более известный под именем *Чесан ден*. Мотивация имени связывается с обычаем *чесан*, относящийся к румынско-молдавской обрядности, а его название — калька от румынского термина *устурой (usturoi)*, который встречаются и среди болгар. Обычай известен и под термином *пазене на чесан // вардене на чесан*, а в гагаузском он является в калкированом виде *сармысак беклемее*. Румынским элементом является и ношение *звезды* (тоже калька рум. *steaia* ‘деревянный круг с иконам по середине украшенный цветами’) во время коледования. Вероятно у молдаван занят и обычай *Локка-трака* — метонимический термин, мотивированным названием колоколчиками, с которыми дети в некоторых селах ходят по домам вечером в Новый год. А обрядную благословию:

*Кодур, кодур кеца,  
Ганна гарац,  
Фата фрумоась.  
Баир, баир еште!  
Дай колачеште!*

определено българо-румынская контаминация. Этот текст в общем не особенно понятен, но словосочетание *Фата фрумоась* ‘Красивая девушка’ без сомнения румынский, а *Дай колачеште!* ‘Дай кравай (колак)’ — болгарский с румынским элементом (скорее всего только румынский нюанс в произношении, так как суф. *-еште (-ește)* является фонетический вариант болг. суф. *-иште*).

Представленную выше лингвокультурную картину болгарских и гагаузских жителей Бессарабии фрагментарно и отражает преимущественно современное состояние только одного поселения — Червоноармейское (Кубей). Но даже в этом виде, она предоставляет возможность подтвердить предположение, что традиционная духовная культура более консервативна в сравнении с материальной. Пака неизвестно сколько времени нужно для ее адаптации в неродственной лингвокультурной среде. В отношении языка очевидно, что в окружение близкородственных языков он (в данном случае бол-

гарский) легче поддается влиянию, но не исчезает. Иногда он достигает креолизации. Следовательно, 200 лет не хватает для исчезновения одного языка и соответственная этническая общность в окружении других, даже — родственных народностей. А в неродственной языковой среде он может сохраниться даже тысячелетие, о чем свидетельствует ситуация с гагаузским языком, независимо от проникновения в него чуждых элементов. И в Болгарии, и в Бессарабии он сохранил свой выразительный облик. Вероятно, основную причину этому следует расценивать компактность проживания. Это подтверждают небольшие группы болгар и гагаузов переселенцев из этого же села в Казахстане и Кыргызстане, которые уже забыли и свои языки, и ряд элементов, характеризующих болгарскую и гагаузскую духовную культуру. Но вопреки этому продолжают осознавать себя болгарами (в том числе — и гагаузы). Эти факты явно демонстрируют, что народное самосознание может сохраняться еще какое-то время (два-три поколения) после перехода от собственной лингвокультурной системы к другой.

### **ПРИМЕЧАНИЯ**

<sup>1</sup> Использованный в работе языковедческий и этнографический материал был собран автором летом 1995-1996 гг. в составе этнолингвистической экспедиции ОНУ им. И.И.Мечникова в Болградском районе Одесской области Украины.

<sup>2</sup>**Барболова З.**, Особенности на българския говор в с. Червеноармейское (Кубей), Болградски район, Одеска област в Украйна. Одеса, 1999, с.6.

<sup>3</sup>**Демиденко Л. К.**, Культура и бит болгарского населения УССР. Киев, 1970; **Пригарин А. А., Т. В. Тхоржевская, Т. А. Агафонова**, Кубей и кубейци: Бит и культура на българите в с. Червеноармейское, Болградски район, Одеска област. Одеса, 2001.

<sup>4</sup>Подробнее см.: **Барболова З.**, Отражение на би- и полилингвизма в българските говори в Украйна. // Проблеми на социоллингвистиката, кн. 7 — «Билингвизъм и диглосия — съвременни проблеми». С., 2002, с.229-233; **Барболова З.**, Фактори, определящи влиянието на руския език върху българските говори в Украйна. // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы международной конференции — 24-27 апр. 2005 г. Волгоград: ВГУ 2005 г., с. 81–87 и др.

<sup>5</sup>**Демиденко Л. К.**, Культура и бит болгарского населения УССР. Киев, 1970; **Пригарин А. А., Т. В. Тхоржевская, Т. А. Агафонова**, Кубей и кубейци: Бит и культура на българите в с. Червеноармейское, Болградски район, Одеска област. Одеса, 2001.